

ПОЛИНА КОРИЦКАЯ

СКРОЙ МЕНЯ ОТ ПЕЧАЛИ...

* * *

— Не ходи на войну, моя девочка,
Там болотные птицы безгласые,
Там бесплотные тени безглазые,
Не ходи, посиди у окна.

— Не могу не ходить, моя маменька,
Слышу, кичут болотные певчие,
Вижу, кличут бесплотные зрячие,
Не хватает там только меня.

— Не ходи, не ходи, моя девочка,
Вот тебе веретёнце и горница,
Вот тебе полотенце и горлица,
Всё, что хочешь, тебе пропоёт.

— Не могу, не могу, моя маменька,
Я спряла уже перья крапивные,
Я сняла ожерелья рубинные,
Изувечила горлице рот.

КОРИЦКАЯ Полина Николаевна родилась в Томске. Выпускница Литературного института имени М. Горького (семинары Ю. П. Кузнецова, Г. И. Седых). Поэт, прозаик, детский писатель, автор-исполнитель. Победитель и лауреат многих литературных конкурсов. Публиковалась в журналах и газетах: "Литературная Россия", "Сибирские Афины", "Тверской бульвар, 25", "Российский колокол", "Кольцо А", "Литературный оверлок", "Подъём", "Юность", "Начало века", "Сибирские огни", "Крещатик" и др. Автор книг "Самокрутки" и "Симптомы быта". Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

— Не ходи, говорю, моя девочка,
А не то я тебя изуродую,
Лучше сразу сама изуродую,
Подойди, говорю, подойди.

— Не могу подойти, моя маменька,
Я уже далеко и безногая,
Я уже глубоко, и высокая
Надо мною густая трава.

— Не лежи, моя девочка, некогда,
В этой прялке — война настоящая,
В этой клетке она — бесконечная,
Я сказала: садись у окна.

— Я встаю, я иду, моя маменька,
Только где веретёнце и горлица,
Только где ты, и где наша горница,
И — зачем ты зовёшь не меня?

* * *

Яблонька-яблонька, скрой меня от печали
летят за мной гуси, шипят уже за плечами
летят за мной гуси тоски, лебединые шеи
хотят утащить меня, замуж отдать за Кашея...

— Съешь моё яблочко с ветки любви и разлуки
съешь целиком, ну, а косточки складывай в руки
и посади в рукава, стань сама и стволом, и землёю
я за это тебя и листвою, и ветвями прикрою...

— Гуси близко уже, шибче, милая, солнце садится
муравейник закроется, съест меня серая птица
твоё яблоко горько и кости внутри человечьи
что-то шепчут в ладонях на лебедином наречии

Печка, матушка-печка, спаси меня, я победила
я ушла от земли, солнце вынула из крокодила
только гуси кружат, стонут лебеди над головою
леденят мою кровь они песней своей горловою

— Полезай мне в жерло, загляни в моё чёрное горло
ты же знаешь дитя, где чисто и бело, там голо
а во мне пироги, я сто лет это тесто месила
двести лет выпекала, бросила все свои силы

— На слезах и войне твоё тесто, на пыли и саже
ты прости меня, печка, я лучше последую дальше
уж один лебедёнок влетел в моё левое ухо
коли выйдет из правого девочка, будет старуха

— Речка, быстрая реченька, спрячь меня поскорее
в молоке искупаюсь, съем и вершки и коренья
стану рыбой-русалкой, кисельною розовой пеной
не достанусь гусям и Кашея иголке репейной

Но сказала река: “Уноси своё целое тело...”
Тогда я поднялась над рекой, над рекой полетела
обняла лебедей, а потом незаметно убила
и над лесом лечу безутешна, бесцельна, бескрыла

ЧИТАЯ МАНДЕЛЬШТАМА

Золотистого мёда струя из бутылки текла
Слишком бегло — был мёд этот не настоящим.
Я смотрела на стену, на блик голубого стекла
От бутылки — как в ж-кристаллический ящик.

И растила я взглядом зелёный пустой виноград,
И срывала глазами его недоступную зелень.
Если ты возвратишься, то будешь, наверное, рад
Моему урожаю, и в верности будешь уверен.

Я забросила вышивку — только кресты да кресты.
Мне довольно крестов, однозначно — не вынести столько.
Собрала, распустила, потом завернулась в холсты
И себя уложила куда-то на верхнюю полку.

Помнишь, в греческом доме?.. Да я и сама — не вполне.
Виноград на обоях не станет таврическим соком.
Только блик голубой на твоём золотистом руне,
Только мёд всё течёт, очень бегло течёт, очень долго...

* * *

на кисельном яру шоколадная плитка
и волны голубой молоко
что ещё тебе дать государыня-рыбка
ореол тебе нужен какой

вот орёл тебе финист пронзённая птаха
синеоко глядящая вверх
где кончается панцирь земной черепахи
и качается Вещий Олег

вот арахис и финик, и пальмовый войлок
твоя пойма по-царски полна
и не будешь добычей дешёвых столовок
отдыхающих дома волна

что ещё тебе надо какая надсада
Фигаро, Лафонтен фуэте
заберёт тебя папа из рыбьего сада
отвоюет сережки вон те

государыня-рыбка оставшийся мальчик
королёк уповающий на
что ещё тебе надобно отче мой старче
чем тебе неужгодна блесна

* * *

Ну, давайте, продолжим негромко —
Вполнакала — читать “не своё”.
Мы устали ловить похоронки
Не надеясь, что это враньё.

И, всё чаще боясь перепутать —
Неживого на пир пригласить,
Мы стоим на привычном распутье
И боимся дороги спросить.

Хорошо, что глаза мои чёрным
От рождения были полны,
Не темнеет в глазах от “Вечёрки”
И других публикаций страны, —

Но от чёрной тесёмки “фейсбука”
Тень сползает по верхней губе,
И бежит круговая порука,
И влечёт на подмогу себе.

И никто не умеет “про это” —
Нам при жизни такое нельзя, —
Если Общество Мёртвых Поэтов
Не одобрит заявки в друзья.

* * *

Был табун лошадей, конь доверчиво тыкался в шею
И губами брал яблочной дольки зелёную мякоть.
Оскудел водопой и опал, оставляя сухую траншею.
Пала долька из губ, словно яблоки, начали падать
Все саврасые, чалые, белорождённые, вороные,
Вороньё закружило, захлопали чёрные крылья.
Где мой серый, мой яблочный, где, говорю, остальные?
Провалились сквозь землю, покрыв мои волосы пылью.

Были яблони, ветви которых росли напрямую до неба
И листвой доставали до звёзд неизвестных созвездий.
На одной из таких, например, на заснеженной Гебо,
Урожай собирали в течение многих столетий.
Только соки иссякли земные, губы земли пересохли,
Перекрыло дыхание птицам, поющим по кронам.
Где же яблони, яблоки, птицы, зачем вы оглохли?
Память пенья, как перья, пала на радость воронам.

Мои лошади, яблоки, может, вы всё же успели
И домчались туда, куда мне перекрыты дороги?
Где же вы схоронились, когда и почём вас отпели?
Были ласковы к вам или били, ломая вам ноги?
Может, вам повезло, и для вас не окончилось солнце,
Пенье просто меняет тональность, а яблони в белом,
И мой серый, мой яблочный больше ко мне не вернётся.
Никогда не вернётся, а значит — останется целым.